

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КУРС В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Р. А. КИРЕЕВА

До сих пор еще мало изучены специальные курсы, в том числе и лекции по русской историографии В. О. Ключевского. Впервые об этих курсах писали Л. В. Черепнин и С. М. Каштанов во втором томе «Очерков истории исторической науки в СССР».

В настоящем сообщении мы коснемся истории создания Ключевским курса по отечественной историографии, в котором отразилась эволюция его историографических взглядов, попытаемся также по дошедшим до нас материалам реконструировать этот курс и рассмотреть некоторые вопросы его периодизации.

Говоря о своих семинарских годах (конец 50-х — начало 60-х годов), Ключевский вспоминал: «Мы смутно чувствовали, что и в русской историографии веет новым духом, который проникал тогда во все отношения, в самые сокровенные углы русской жизни»¹. Когда В. О. Ключевский приступил к преподавательской деятельности, у него зародилась мысль предпослать общему курсу по русской истории историографическое введение. Как свидетельствует один из набросков кратких тезисов первых лекций (1871—1872 гг.), Ключевский предполагал начинать его с конца XVII — начала XVIII в., а заканчивать 70-ми годами XIX в., рассмотрением работ С. М. Соловьева. В другом наброске, написанном в те же 70-е годы, он развивает мысль о том, что целесообразней заканчивать общеполитический курс историей науки².

¹ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, рукописный отдел (Далее: ГБЛ), ф. 131, п. 14, д. 6.

² Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее: ОРФ), д. 12.

Однако в 70-е годы его историографические замыслы не были осуществлены. Но и в этот период он выступал с рядом рецензий, в которых иногда разбирал отдельные проблемы русской истории на широком историографическом фоне³.

Приступая через пятнадцать с лишним лет к выполнению первоначального замысла, Ключевский стал осуществлять его, исходя из несколько иных позиций. Прежде он мыслил давать историю науки как вводную или как заключительную часть общего исторического курса. Теперь русская историография вошла в состав так называемых специальных отделов русской истории. Открывал эти отделы курсы методологии русской истории, затем шли курсы терминологии и источниковедения⁴.

Курс по историографии выделился постепенно из курса по источниковедению. Последний в свою очередь вырос из семинарских занятий, на которых разбирались отдельные исторические памятники. Только в конце 80-х годов Ключевский стал читать специальный курс по русской историографии. Расписания лекций⁵ в Московском университете и ежегодные «Краткие отчеты о состоянии Университета» дают возможность установить, что в 1888 г. (осенью) Ключевский читал курс по русской историографии. Затем он читал этот курс в 1888/89, 1891/92, 1893/94, 1895/96, 1897/98, 1899/1900, 1900/1, 1902/3, 1904/5, 1906/7, 1907/8 учебные годы⁶.

При изучении курса по источниковедению и соответствующих материалов к нему можно заметить, как постепенно зарождалась и развивалась мысль Ключевского о выделении самостоятельного курса по русской историографии, как по мере конкретного изучения предмета расширялись представления Ключевского об истории развития русской исторической мысли. Попытаемся проследить эволюцию взглядов Ключевского.

Начиная создавать свой курс по русской историографии, Ключевский не отошел от общепринятого тогда в буржуазной науке положения, что начало научной разработки русской истории было положено трудами немецких историков XVIII в. Так, в 1888 г. в курсе по источниковедению он безоговорочно относил начало русской историографии лишь к середине XVIII в.⁷ Ключевский полагал, что русской историографии

³ См., напр., рецензию на первый том «Русской истории» К. Н. Бестужева-Рюмина, где он дает характеристику развития русской исторической литературы в 60—70-х годах XIX в., или рецензию на книгу М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» (1872 г.), на «Лекции по истории русского законодательства» И. Д. Беляева (1879 г.) и на второй том «Истории русской жизни» И. Е. Забелина. В эти же годы он начал писать статью по «варяжскому вопросу». Непосредственным поводом к ее написанию послужил выход в 1876 г. в свет работ Д. И. Иловайского «Разыскания о начале Руси» и I тома его «Истории России». От 70-х годов сохранились два наброска статьи. В них Ключевский рассматривал в историографическом плане решение «варяжского вопроса» в трудах историков XIX в. Позднее, в 90-х годах, Ключевский вновь возвращается к истории возникновения «варяжского вопроса» в исторической литературе, начиная с Г. З. Байера. Следует также упомянуть речь, посвященную памяти И. С. Аксакова (1886 г.), где Ключевский полагает, что истоки славянофильского направления в русской историографии восходят к XVIII в.

⁴ Курс «Методология» литографирован, курсы «Терминология русской истории» и «Источниковедение» вошли в шестой том «Сочинений» В. О. Ключевского, М., 1959.

⁵ ГБЛ, ф. 131, п. 25, д. 37.

⁶ Даты 1888/89, 1895/96, 1897/98, 1899/1900 и 1906/7 установлены по «Кратким отчетам о состоянии Университета» за разные годы и по расписанию лекций (ГБЛ, ф. 131, п. 25, д. 37); дата 1891/92 берется на основании собственноручной записи Ключевского, где он по числам отмечал прочитанные лекции, и по студенческой записи курса в 1892 г. (там же, п. 12, д. 1 и 2), дата 1893/94 берется на основании заявления Ключевского о предполагаемых курсах лекций и практических упражнений на будущий учебный 1893/94 год, где его рукой написано: «Обзор русской историографии с семинарием для V и VI сем[естра] совместно с сем[естром] VII и VIII» (ГБЛ, ф. 131, п. 25, д. 7); дата 1900/1 устанавливается на основании экзаменационной ведомости (там же, п. 26, д. 9); дата 1902/3 основана на сохранившихся от этого времени вариантах введения в курс лекций (там же, п. 12, д. 2; ОРФ, д. 26); дата 1904/5 приводится со слов И. Н. Бороздина, который слушал этот курс Ключевского; дата 1907/8 взята из «Обозрения преподавания на историко-филологическом факультете Московского университета в 1907/8 г.» (ОРФ, д. 47). Даже один этот, возможно неполный перечень показывает, что Ключевский придавал особое значение курсу по русской историографии, так как обычно он редко повторял свои специальные курсы. Например, такой курс, как «История сословий в России», по свидетельству А. Юшкова, Ключевский прочел всего один раз — в 1886 г. (См. В. О. Ключевский. История сословий в России, Пг, 1918, стр. III, XIII).

⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 6, М., 1959, стр. 474—475.

еще долго придется быть преимущественно исторической критикой, под которой он подразумевал предварительную очистку «исторического источника от портящих его примесей с целью сделать его годным к научному употреблению»⁸. Поэтому первую вводную лекцию и по историографии и по источниковедению Ключевский и в последующие годы начинал с разъяснения понятия исторической критики источника.

Таким образом, Ключевский несколько отошел от первоначального варианта 70-х годов — начинать русскую историографию с разбора «Истории о царях» дьяка Ф. А. Грибоедова и с Синописа И. Гизеля⁹, но в дальнейшем он не только вернулся к первоначальному замыслу, но значительно расширил его.

Возможно, что одним из поводов к разработке Ключевским проблем русской историографии начала XVII в. послужила работа С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник», вышедшая в 1888 г. Эта работа была представлена к уваровской премии, и Ключевский в 1890 г. в связи с этим написал на нее рецензию. Давая положительную оценку книге в целом и считая ее автора достойным награды, Ключевский сделал и несколько замечаний. Он отметил, что Платонов «допустил некоторые пробелы в изучении того, что разбираемые им памятники дают для истории русской политической мысли и историографии в XVII в.». Далее он пишет: «Проблески политического размышления и исторического прагматизма, рассеянные в сказаниях о Смутном времени, можно было бы соединить в особый цельный очерк, который составил бы главу из истории русской историографии, изображающую один из переломов в ее развитии. Такого очерка, кажется, требовала бы самая задача исследования, посвященного критическому изучению источников нашей истории, и он мог бы повести к возбуждению вопросов, не лишенных научного значения»¹⁰. Возможно, что Ключевский именно в связи с этим своим разбором книги Платонова и решил сам восполнить намеченный им же пробел. Во всяком случае в историографических работах начала 90-х годов он развивает высказанные здесь положения. А в 1891/92 учебном году Ключевский уже читает лекции по русской историографии не только с начала XVII в., но и с середины XVI, таким образом, снова отодвинув вглубь рамки первоначального замысла. Об этом свидетельствуют записанные им для памяти по числам темы прочитанных лекций по русской историографии в 1891/92 учебном году¹¹. Однако этот документ содержит неполные сведения за период с 12 сентября 1891 г. по 12 марта 1892 г.: эти данные дополняются сохранившейся студенческой записью курса этого же учебного года. Автор записи не установлен. Она относится только к новому 1892 г. (т. е. отсутствует начало курса, прочитанного с сентября 1891 г.). Запись начинается с 23 января и кончается 26 марта¹². Всего студентом было записано девять лекций, в которых было изложено развитие истории исторической науки, начиная с характеристик исторических трудов Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова и кончая характеристикой работ А. Л. Шлецера.

Лекция от 23 января пронумерована № 1, в скобках 12. В записи Ключевского против даты значится: «Байер и Миллер». Это соответствует содержанию лекции, записанной студентом. Но указание на порядковый номер 12 свидетельствует о том, что и запись Ключевского неполностью отражает темы прочитанных лекций, так как до 23 января записано лишь семь из них. Зная, что Ключевский читал лекции по историографии по четвергам и учитывая дни, в которые по каким-либо причинам не состоялись занятия (их В. О. Ключевский тоже отмечал), можно установить, между какими темами существуют пробелы. Так, отсутствует какая-либо помета о 26 сентября (очередной четверг). Тема предшествующего занятия была посвящена переписке А. Курбского с Иваном Грозным, а последующего — «Памятникам Смутного времени» (сохраняем терминологию Ключевского). Затем отсутствует запись о двух подряд четвергах (14 и 21 ноября) между темами: «Кн[язь] Куракин. Синопис. Грибоедов. Манкиев» и «Татищев». Последний пропуск падает на 19 декабря, после темы «Татищев» перед

⁸ Там же.

⁹ ОРФ, д. 12.

¹⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. 7, стр. 444—445.

¹¹ ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

¹² Эта часть курса опубликована. См. В. О. Ключевский. Соч., т. 8. Подлинник хранится в ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 1.

темой «Байер и Миллер». Внимательно изучая рукописи Ключевского, можно приблизительно восстановить тематику пропущенных в записи лекций. Так, относительно 26 сентября можно предположить, что темой лекции были «Степнная книга и хронографы второй редакции и особого состава». Этот вывод сделан на основании сноски Ключевского, данной им после упоминания труда А. Курбского «История о великом князе московском»: «Степнная книга и хронографы 2-й редакции и особого состава»¹³. Но текст по этой теме в рукописях отсутствует.

Между темами о трудах А. И. Манкиева и В. Н. Татищева, очевидно, была дана характеристика русской историографии эпохи Петра I. Это подтверждает наличие в фондах Ключевского рукописи под названием «Время Петра I». Возможно, этой теме было посвящено два занятия. Трудней всего восстановить тему последнего пробыла — лекции 19 декабря. Здесь нет подтверждения ни в виде ссылок Ключевского, ни в виде отдельных рукописей. Беря во внимание построение предшествующих и последующих лекций, можно лишь предположить, что им была прочитана обзорная лекция, характеризующая особенности развития русской историографии в XVIII в. (или точнее «елизаветинского периода»), где могли быть даны характеристики отдельных направлений в науке. Это предположение подтверждается тем, что в рукописях Ключевского имеются упоминания о времени Петра I, о елизаветинском периоде, об эпохе Екатерины II. К тому же обычно Ключевский излагал в курсе сначала главные черты истории исторической науки на различных этапах развития, а затем уже переходил к характеристике отдельных ее представителей. А лекция, следующая за 19 декабря, была посвящена уже разбору трудов отдельных историков — Байера, затем Миллера и Ломоносова. Вполне вероятно, что лекция 19 декабря посвящалась характеристике «елизаветинского периода», но текст ее до нас не дошел.

Восстановив, таким образом, темы пропущенных лекций, мы получаем довольно стройный план изложения Ключевским в 1891/92 учебном году курса лекций по русской историографии. После вводной лекции Ключевский, как это видно из его записки, начинал курс с темы «История Курбского в связи с перепиской», т. е. начинал рассматривать русскую историографию уже с середины XVI в. В имеющейся рукописи этого же года он дает немного другое название: «Обзор историографии с царствования И. Грозного». Любопытно отметить, что здесь Ключевский намечает точки соприкосновения между летописцем и историком, видя их пока только в одинаковых источниках. Эта мысль, как увидим, позднее была им развита. Мемуары или записки и переписку XVI в. Ключевский рассматривает как переходную форму от летописного повествования к историографии. Он подчеркивает трудность подобного перехода, говоря, что «это переход не только от одного способа повествования к другому, от наивного к научному, но и перелом мышления: для этого надобно одно мирозерцание заменить другим и это еще труднее»¹⁴.

Затем, как это видно из приписки Ключевского, он рассматривал «Степнную книгу» и появление хронографов. Последующие три лекции Ключевский отводил историографическому анализу «Памятников Смутного времени», включая в тему общую характеристику времени, называя его «поворотной эпохой нашей истории», а мемуаристов — «историками поневоле». Разбирая историческую литературу так называемого «Смутного времени», Ключевский делит ее на три разряда: подлинные воспоминания современников (например, временник дьяка И. Тимофеева, сказание Авраамия Палицына, записки Ив. Хворостинина, повесть И. М. Катарева-Ростовского), своды или переработки записок и заметок современников с привлечением современных документов (например, «Новый летописец», рукопись Филарета, «Иное сказание») и «видения», памфлеты и воззвания. Из перечисленных трудов сохранились лишь наброски Ключевского о Тимофееве, Хворостинине и Палицыне.

Следующая лекция была посвящена теме «кн. Куракин. Синописис. Грибоедов. Манкиев». Среди рукописей Ключевского имеются наброски о Синописисе И. Гизеля и об «Ядре Российской истории» А. И. Манкиева¹⁵. О труде дьяка Грибоедова есть краткие упоминания. О Куракине же в имеющихся рукописях нет ничего.

¹³ См. ОРФ, д. 28.

¹⁴ ОРФ, д. 28

¹⁵ ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

Далее Ключевский переходил к характеристике периода царствования Петра I. Об этом свидетельствует текст под названием «Время Петра I»¹⁶, написанный в той же тетради, где находится и «Обзор историографии с царствования И. Грозного» и «Памятники Смутного времени». В этом наброске с конспективной краткостью записаны отдельные положения, которые Ключевский, очевидно, развивал при чтении лекций. Основная задача отрывка — показать преемственность в развитии исторических знаний XVII и XVIII вв. Первыми опытами систематического изложения русской истории Ключевский считает историю дьяка Ф. А. Грибоедова и Синописис, а первой попыткой выработки методологии истории — предисловие к исторической книге, составленной по приказу Федора Алексеевича.

Затем, выдвигая тезис об отношении политической мысли к исторической действительности, к государственным порядкам на Западе и в России, Ключевский переходит к рассмотрению труда В. Н. Татищева, давая ему общую оценку, как опыта смелого и по своей структуре единственного в нашей историографии.

Далее, очевидно, шла лекция с характеристикой «елизаветинского периода». Затем Ключевский переходил к последовательному изложению развития русской исторической науки в XVIII в. Этот период был им наиболее подробно разработан. Кроме опубликованных уже лекций по историографии XVIII в. в записи студента, имеются и собственноручные наброски Ключевского, значительно расширяющие этот материал¹⁷.

Мы не имеем сведений, читал ли Ключевский в 1891/92 уч. году свой курс дальше. Запись студента кончается 26 марта. Но можно предположить, что хотя бы в апреле продолжались еще занятия. Тем более, что фонды Ключевского хранят наброски, например, о работах Н. М. Карамзина (4 отрывка)¹⁸. В рукописях есть также отдельные заметки о М. П. Погодине, Н. И. Костомарове, К. Н. Бестужева-Рюмине, С. М. Соловьеве и других историках.

Отдельные замечания и мысли Ключевского о развитии отечественной историографии в XIX в. разбросаны по различным его работам. Напомним, что в 70-е годы Ключевский предполагал довести изложение до С. М. Соловьева включительно. Наиболее ценным и интересным источником по историографии XIX в. среди рукописей Ключевского являются варианты вводной лекции к историографии 1861—1893 гг. Это дает основание полагать, что если даже Ключевский и не прочел курса лекций по историографии второй половины XIX в.¹⁹, то во всяком случае готовил его. Но до нас не дошло ничего, кроме введения, некоторых заметок об историках XIX в. и рецензий. Однако могли быть и другие работы, не дошедшие до нас, как не дошли, например, материалы занятий Ключевского со студентами по украинской историографии времени Богдана Хмельницкого, о которых вспоминает Ю. В. Готье²⁰.

Комплекс материалов, относящихся к 1891/92 г., является самым полным. Он, очевидно, лежал в основе последующих лекций Ключевского по русской историографии. Но и он не является окончательным. Ключевский продолжал над ним упорную работу. В 1895 г., например, им сделано существенное дополнение к началу курса — написан новый текст под названием «Историография Смутного времени». Позднее он подключил его под § 2, 4, 5, 9 и 10 к имеющемуся ранее (в 1891 г.) тексту о переписке А. Курбского с Иваном Грозным. Из этих добавлений очень важен текст § 2 «Первые опыты русской историографии», где Ключевский старается нащупать границу между летописанием и историографией. Хотя он и пишет, что «задача летописца — удержать в памяти людей текущие события; цель историографии — восстановить в сознании людей смысл минувшего», но вместе с тем Ключевский уже более четко, чем в 1891 г., видит

¹⁶ ОРФ, д. 28.

¹⁷ Прежде всего имеются в виду наброски, объединенные общим названием «Опыт новой истории» (ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2), «Древняя и новая Россия» (там же, д. 3), а также фрагменты об отдельных историках — Байере, Болтине, Шлецере, Новикове и др.

¹⁸ ГБЛ, ф. 131, п. 26, д. 9.

¹⁹ По свидетельству слушавших курс по русской историографии И. Н. Бороздина и И. А. Голубова Ключевский им историографию XIX в. не читал.

²⁰ См. Ю. В. Готье. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых, «В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания», изд. «Научное слово», М., 1912, стр. 181.

соприкосновение между «обоими родами бытописания». Теперь он считает, что не только источники у летописца и историка могут быть одинаковыми, но и «точки зрения, самый взгляд на происхождение и смысл человеческой жизни, на скрытые силы, ее производящие и направляющие, могут быть одинаковы у летописца и историка: оба могут быть провиденциалисты, моралисты и т. п.»²¹.

Параграфы 4 и 5 посвящены рассмотрению летописных сводов, в которых Ключевский теперь уже видит зачатки русской историографии, так как «сводя свои источники сост[авите]ль свода уже не наблюдает, а изучает..., минувшее для него уже предмет не только любознательности, но и размышления, и описывая его с целью летописца, он невольно и незаметно для самого себя становится на рубеже между летописанием и историографией, усвая новые приемы изучения и изложения»²². Ключевский считает, что летописные рамки уже стесняют составителя, который пытается разорвать хронологический порядок событий и подбирает их по внутренней причинной связи. Составитель «чувствует потребность заменить погодный перечень событий прагматическим их изложением и, разрывая хронологическую нить летописи, пытается сплести из нее сложную ткань исторического процесса»²³. Первыми такими сводами Ключевский называет Волинскую летопись XIII в. и Тверскую (1534 г.).

Параграфы 9 и 10 вносили добавление в ранее существовавший текст об историографии начала XVII в. Все эти добавления, особенно § 2, 4 и 5, очень важны, так как они расширили, углубили и обогатили существовавшие в годы Ключевского представления буржуазных историков о начале русской историографии. Напомним, что С. М. Соловьев начинал свою историографическую работу «Писатели русской истории XVIII века» лишь с «Ядра Российской истории», т. е. с 1715 г., когда был написан труд А. И. Маньквеа; П. Н. Милоков, издавший в 1897 г. (т. е. позже этого вывода Ключевского на два года) «Главные течения русской исторической мысли», начинал изложение несколько ранее — с Синописа (1674 г.), но опускал «Ядро Российской истории». Правда, М. О. Коялович начинал свою книгу «История русского самосознания...» даже с устных преданий, затем переходил к летописям. Но в его изложении нет единой линии развития истории исторической науки. Он рассматривает летописи наряду с активными материалами и тут же дает историю их издания, изучения и литературу о них за все последующие века. Таким образом, у него отсутствует изучение именно данной эпохи, нет самого процесса развития науки, пропадает единство изложения и получается в результате скорее библиографический справочник, чем историографическая работа.

Как мы видели, наиболее ранние историографические работы Ключевского относятся к концу 70-х годов XIX в., а наиболее поздние — к началу 1900-х годов. Следовательно, Ключевский занимался этими вопросами более двадцати лет, в течение которых постепенно расширялись его историографические представления. В результате им была намечена единая линия развития истории русской исторической науки от периода летописания до начала XX в.

В годы работы Ключевского над историографическим курсом русская буржуазная историческая наука еще не выработала четкого определения термина «историография». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона говорилось: «Историография — термин недостаточно определенный, иногда отождествляемый с историей»²⁴. В историографических трудах того времени тоже нет научного определения термина «историография». М. О. Коялович и П. Н. Милоков обозначают свои главные задачи заглавиями книг: «История русского самосознания...» (вышла в 1884 г.) и «Главные течения русской исторической мысли» (в основе книги — курс, прочитанный П. Н. Милоковым в 1886/87 уч. г.). Это близко к историографии, но не одно и то же. Милоков

²¹ ОРФ, д. 28.

²² Ср. с текстом 1891 г., где он говорит о разнице приемов изложения летописцем и историком в зависимости от задач, стоящих перед ними: «Летописец наблюдает жизнь, отмечая текущую минуту; историк изучает обожжение, восстанавливая минувшее. Летописец ищет поучительных явлений..., историк добивается достоверных фактов...». «Урок и знания», — так коротко заключает Ключевский мысль о различии летописания и историографии (ОРФ, д. 28 — везде подчеркнуто Ключевским).

²³ ОРФ, д. 28.

²⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 26, стр. 488.

в своей работе возражает против понимания Кояловичем историографии как истории самосознания. «Только очень давно,— пишет он,— можно было говорить, что историк по преимуществу есть венец народа, ибо в нем народ узнает себя (достигает до своего самопознания). Наше время не верит в такое самонахождение и открытие духа, от века вложенного в народы, следовательно, не поверит и в то, что историография может быть „историей самосознания“... Коялович не сумел сделаться судьей в собственном деле, и вся история науки вышла у него обвинительной речью pro domo sua»²⁵. Но и в своей работе Милюков тоже не ставил задачи показать развитие истории исторической науки в России. Его привлекала «не столько ученая работа сама по себе, не столько ее положительные результаты, сколько направляющие ее теоретические побуждения»²⁶, и не все побуждения, а только главные, с точки зрения Милюкова, течения русской исторической мысли.

В историографических работах Ключевского тоже не встречаем определения термина «историография». Во вступительной лекции к курсу по русской историографии, которая до нас целиком не дошла, имеются лишь краткие, отрывочные наброски, которые не дают ответа на поставленный вопрос. В других набросках и записях Ключевского не раз встречаем упоминание об историографии как особой отрасли науки, есть такие указания и в курсе по источниковедению. Очевидно, что и у Ключевского не было четко выработанного единого определения понятия «историография». Его формулировки колебались, и понимание им предмета тоже претерпевало изменения. То оно было близко к понятию «источниковедения»²⁷, то «истории»²⁸, то «самосознания»²⁹, но чаще всего он имел в виду под термином «историография» писание истории, исторические труды, но не историю развития исторических знаний, исторической науки³⁰. Но во многих своих работах Ключевский, не давая определения, применял слово «историография» именно в значении истории исторической науки. Так, он выносил этот термин в заголовок только тех рукописей, в которых с историографических позиций разбирались исторические работы, например «Обзор историографии с царствования И. Грозного» или «Историография Смутного времени». Здесь Ключевский рассматривал историографию как науку, которая имеет целью изучать историю исторических знаний в процессе их развития.

Но ни Ключевский, ни другие историки, занимавшиеся русской историографией в конце XIX — начале XX в., так и не смогли выработать четкого представления о науке историографии и не определили ее предмета и метода исследования.

Историки XIX в. не ставили перед собой проблем периодизации русской историографии, только В. О. Ключевский и П. Н. Милюков, работавшие параллельно над курсами русской историографии, сделали шаг в этом направлении. Но ни тот, ни другой не закончили начатую работу. П. Н. Милюков собственно выделяет лишь два периода русской историографии: до Н. М. Карамзина включительно и после него. Практически первый период он начинает с Синописа, т. е. только с конца XVII в. Однако Милюков признает, что в данном вопросе он поступает произвольно, отстраняя от изучения все раннее развитие исторических знаний, так как считает эту тему сложной, требую-

²⁵ П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 3, 4.

²⁶ Там же, стр. 2.

²⁷ В. О. Ключевский. Соч., т. 6, стр. 475.

²⁸ «Историография изучает происхождение и действие явлений, спрашивает, откуда все пошло и как идет; предмет его изучения — рост общежития, механика исторического процесса» (ОРФ, д. 28) или «Историография — самобытная отрасль знания, имеющая свой особый предмет — зарождение, рост и склад человеческого общежития» (В. О. Ключевский. Соч., т. 6, стр. 478).

²⁹ «Успехи русской историографии — это успехи русского народного самосознания. Это самосознание — результат дум о родном прошлом» (ОРФ, д. 12) или: «С его именем (И. Н. Болтина.— Р. К.) соединен один светлый момент в ходе нашей историографии, т. е. нашего самосознания» (ОРФ, д. 24).

³⁰ «Русская историография, разумея под ней не одни ученые исследования, но и связанные повествования об отдельных событиях, принадлежащие их современникам, началась давно...» (В. О. Ключевский. Соч., т. 6, стр. 20). Или «Русская научная историография... непосредственно примыкает к древнерусскому летописанию, составляя органическое его продолжение» (В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 170).

шей специальной разработки. Но мимоходом он отмечает, что русская средневековая «философия истории есть, несомненно, заимствованная — польская»³¹.

Основанием для разделения периодов до и после Карамзина служат для Милюкова не столько особенности развития русской исторической науки, сколько успехи в развитии научности на Западе, которые обусловили «переход от практического к научному пониманию задач исторической науки»³². В результате во второй период историческая наука стала университетской наукой, «достижением профессиональных ученых», тогда как в первый период она, по Милюкову, развивалась преимущественно благодаря любителям.

Кроме выделения этих двух периодов в развитии русской историографии, Милюков подразделяет XVIII век еще на три эпохи: петровскую, елизаветинскую и екатерининскую. Однако эта периодизация распространялась только на труды русских историков. Немецкие же исследователи русской истории рассматривались отдельно вне зависимости от какой бы то ни было периодизации. Таким образом, на периодизации Милюкова отразился главный тезис всей его работы — гиперболическое преувеличение западного влияния на развитие русской исторической науки.

Посмотрим, как строил свою периодизацию В. О. Ключевский. Единого, последовательного обоснования периодизации истории русской исторической науки мы не находим в его историографических работах. Однако из текста курса и из некоторых черновых записей к нему, из его разрозненных положений, высказанных им попутно с другими его соображениями,—из всего этого разнохарактерного материала можно довольно детально восстановить его периодизацию и понять основные принципы ее построения.

Основное положение, из которого исходил Ключевский, сводится к тому, что на историческое мышление оказывают большое возбуждающее действие общественные потрясения. «Бедствия,— пишет он,— гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории»³³. Ключевский полагал, что «в спокойное время люди расположены смотреть на свой быт как на что-то понятное само по себе, простое и неизменное. Об нем не думают и его даже не замечают, как не замечают своего дыхания, пока оно идет ровно и нормально. Но когда жизнь замутится и на общество падут невзгоды, когда люди увидят, что добытые ими блага погибли, а надежды разбились, они начинают спрашивать себя: отчего и как это случилось?... В минуты общественных потрясений житейский порядок повертывается к людям своей оборотной стороной, изнанкой, и им становятся видны его швы и составные части, вся его мудреная постройка... Зарождение охоты размышлять о происхождении и составе общественного порядка и есть пробуждение исторической мысли. Так непредвиденные общественные потрясения возбуждают интерес к истории, как неожиданные болезни поддерживают интерес к медицине»³⁴. У людей появляется, подчеркивает Ключевский, «логическая потребность в целесообразности», и их умы обращаются к прошедшему, «где ищут и исторического оправдания всплывшим наверх интересам, и практических указаний на средства к достижению намеченных целей»³⁵.

Тесно связывая развитие исторической науки с историей страны, Ключевский делит русскую историографию на четыре периода. Первый — «допетровский» — включает в себя развитие исторических знаний с XII—XIII вв. до начала XVIII в.

Ко второму периоду Ключевский относит историографию XVIII в. Рубежом между этими периодами Ключевский считает реформы Петра I, которые сильно повлияли на развитие исторической мысли в России.

Для начала XIX в. крупнейшим событием, определившим новый период, Ключевский считает «крушение идей» Великой Французской революции и наполеоновские войны. «Люди,— писал он,— пережившие погромы революции и империи, вспоминая, какими хорошими словами началось движение и какими плохими делами оно кончилось, и начали догадываться, что человеческие общества строятся и живут не тем

³¹ См. П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, стр. 4.

³² Там же, стр. 5.

³³ ОРФ, д. 28.

³⁴ Там же. Подчеркнуто Ключевским.

³⁵ ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

разумом, которым мыслят философы; тогда и начали искать этого исторического разума, перебирая памятники и воспоминания прошлого». Ключевский считает, что «эти события дали сильный толчок и русской историографии; под их влиянием воспиталась и историческая мысль Карамзина»³⁶.

Рубежом между третьим и последним периодами Ключевский считает Крымскую войну и отмену крепостного права. Таким образом, история науки разделилась на «дореформенную и реформированную, как прежде делилась на допетровскую и петровскую или древнюю и новую, как они еще назывались»³⁷.

Каждый из этих четырех периодов Ключевский в свою очередь делит на более мелкие этапы. Так, многовековый первый период он подразделяет на четыре стадии развития. К исходным моментам Ключевский относит летописные своды, в которых видит «зачатки русской историографии». Эта стадия «господства летописи» в развитии исторических знаний длится, по Ключевскому, до середины XVI в.

При определении этого периода Ключевский, как видим, не сумел применить свой тезис об общественных потрясениях, оказывающих благоприятное действие на развитие исторического мышления. Решающим для него здесь является вид источника (в данном случае летописи и летописные своды). Ключевский ограничивается простой констатацией факта существования этих памятников, не пытаясь объяснить, чем были они вызваны к жизни.

В зависимости от появления нового вида источника он определяет и следующий период. В конце XVI в. летописи начинают становиться второстепенными источниками, в то время как появляются новые — мемуары, переписка и записки современников. Эти грани периодизации Ключевский переносит из курса источниковедения. Однако при выделении в качестве рубежа конца XVI в. он уже не ограничивается только упоминанием об изменении форм источника. Ключевский выделяет этот период на основании «исключительных явлений», которые сопровождали образование централизованного государства. Появление мемуаров и переписки он объясняет стремлением людей объяснить происхождение политической борьбы времени Ивана IV и их желанием оправдать свой образ действий. Авторы записок, указывает Ключевский, выступают в них не только главными действующими лицами повествования, но и судьями³⁸.

Крупнейшим событием, определившим следующий рубеж, Ключевский считает период крестьянских войн и иностранной интервенции начала XVII в., называя его, как это было принято в дворянско-буржуазной историографии, «Смутным временем». Ключевский отмечает, что эти события дали сильный толчок русской историографии, в результате которого появились наиболее серьезные опыты исторического исследования. Ключевский подчеркивает сдвиг, происшедший в политическом сознании, который в свою очередь определил особенности, задачи и приемы исторического изучения того времени. Подобные поворотные моменты в истории Ключевский считает очень благоприятными для успехов историографии.

В трудах дьяка Ф. А. Грибоедова и И. Гизеля Ключевский видит «первые опыты систематического изложения русской истории». На этом основании он особо выделяет в небольшой период конец XVII в. В выявлении этой стадии определяющим для Ключевского явились особенности названных исторических работ.

Непоследовательность принципов периодизации особенно сказалась на материале XVIII в., когда Ключевский группирует историографию по наиболее крупным царствованиям, как это сделал Милюков. Очевидно, Ключевский особо не задумывался над периодизацией XVIII в., так как историография этого века была в его время наиболее изученной, и он просто некритически воспринял существовавшие схемы. Малоизученные или совсем неизученные периоды русской историографии его интересовали больше. При их периодизации он пытался быть более последовательным в проведении своей основной мысли. Но это ему не всегда удавалось.

Попытки периодизировать историографию XIX в. также по царствованиям, о чем свидетельствуют его формулировки «Движение умов в русском обществе в первую половину царствования Александра I» или «Краткий очерк русской историографии в

³⁶ ОРФ, д. 28.

³⁷ ГБЛ, ф. 131, п. 12, д. 2.

³⁸ См. ОРФ, д. 28.

царствование Николая I»³⁹, с течением времени ослабевают. Напомним, что исходным рубежом историографии XIX в. Ключевский считает последствия Великой Французской революции и войны Наполеона. Затем он характеризует отдельные десятилетия, например: 1830—1840 годы (годы обострения борьбы между славянофилами и так называемыми «западниками»), 1850—1860 (время первой революционной ситуации в России), 1861—1893 (пореформенный период).

Одновременно Ключевский признавал фактором, определяющим новые рубежи в историографии, появление крупнейших исторических трудов. После И. Н. Болтина «историческое изучение России...», — пишет Ключевский, — прошло две стадии, явственно обозначившиеся появлением двух капитальных творений по русской истории, созданных Карамзиным и Соловьевым»⁴⁰. Ключевский правильно отметил крупнейшие труды историков двух направлений — дворянского и буржуазного.

Выделение в качестве рубежей истории исторической науки крупнейших исторических событий, а также наиболее важных работ историков является, несомненно, большим достижением Ключевского. Однако, подчеркивая влияние исторических событий на ход и развитие историографии, он замечает только внешний признак — оживление исторической мысли. Мимо его внимания проходят те изменения в мировоззрении, в идеологии, которые происходят под непосредственным влиянием этих событий.

Таким образом, Ключевский не провел единой линии, не дал единого критерия в определении всех периодов истории русской исторической науки, хотя чаще всего клал в основу периодизации как крупнейшие исторические события, так и труды наиболее выдающихся ученых. Однако само наличие периодизации в историографических работах Ключевского ставит его работы в области историографии выше не связанных между собой очерков об отдельных историках, чем ограничились, например, К. Н. Бестужев-Рюмин и даже С. М. Соловьев и др. Его периодизация имеет преимущество и перед периодизацией П. Н. Милюкова, так как В. О. Ключевский сумел выдвинуть более обоснованный критерий периодизации, исходивший из взаимосвязи и зависимости исторических идей от крупнейших событий, и точнее уловил специфику историографии как научной дисциплины. Изучая русскую историографию, Ключевский выделял рубежи, свойственные именно отечественной историографии. Этим он подчеркивал самостоятельность развития русской исторической науки, не отрицая вместе с тем и западного на нее влияния.

По сравнению со своими предшественниками Ключевский расширил рамки истории исторической науки, начиная изучение с XII—XIII вв. и кончая началом XX в. Ни один историк, занимавшийся русской историографией, этого не сделал.

Историографические работы Ключевского были пределом возможностей русской буржуазной исторической науки. Поэтому выяснение историографической концепции Ключевского важно не только для понимания его творчества, но и для исследования многосторонних явлений кризиса буржуазной исторической науки конца XIX — начала XX в., для изучения истории становления русской историографии.

³⁹ ОРФ, д. 12.

⁴⁰ В. О. Ключевский. Соч., т. 8, стр. 164.